

УДК 94(37).07

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ КАТЕГОРИИ РИМСКОЙ ПОЛИТИКИ В «ЖИЗНИ АПОЛЛОНИЯ ТИАНСКОГО» ФЛАВИЯ ФИЛОСТРАТА

© 2020 г.

К.В. Марков

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

mkv_2003@mail.ru

Поступила в редакцию 25.12.2019

Рассматривается вопрос о роли пространственных аспектов репрезентации политических процессов Римской империи в сочинении Флавия Филострата «Жизнь Аполлония Тианского». Установлено, что автор использует различные нарративные модулы повествования о странствиях Аполлония в разных частях ойкумены – парфянские, индийские земли, Рим, провинции, в частности Египет и Греция. Исследование позволило дополнить выводы современных исследователей относительно концептуальной роли специфики дискурса и нарративных приемов, применяемых Флавием Филостратом при описании политических событий, происходивших в различных частях Римской империи и дальней периферии известного грекам и римлянам мира.

Ключевые слова: Древний Рим, Римская империя, Флавий Филострат, Аполлоний Тианский, вторая софистика.

Труды Флавия Филострата рассматриваются некоторыми исследователями как исторические нарративы особого рода – история без политических событий [1, р. 155]. Ю. Боуи даже называет творчество Филострата «подменой» современной автору греческой истории и культуры [2, р. 17]. Писать о недавнем прошлом, подобно авторам эпохи классики, было уже невозможно, ибо римское завоевание оставило греческие земли в стороне от большой политики, что со временем приводит к смещению акцентов: главные действующие лица – уже не императоры, а персонажи, получившие известность благодаря далеким от политической сферы занятиям – риторике, философии, образованию. Вот почему в ряде работ делается вывод о присутствии в греческой литературе императорского времени стереотипного разделения между «римской» политикой и «греческой» культурой¹. Действительно, в греческих текстах II–III вв. либо сведены к минимуму, либо отсутствуют упоминания о современной авторам политической конкретике, преобладают чисто греческие и предназначенные для греков сюжеты, а действие происходит либо вне каких-либо пространственно-временных рамок, либо в классической Греции [1, р. 155]. Некоторые исследователи видят в данном литературном феномене проявление аполитичности, полагая, что греческие авторы второй софистики были увлечены преимущественно прошлым Греции, особенно классической, которой отводится привилегированное место в их сочинениях, в то время как современность вызывала у них значительно

меньший интерес [3]. Согласно иной интерпретации, такая расстановка приоритетов была далека от политического абсентеизма, ибо превознесение автономности и исключительности греческой учености и образования, равно как и славного прошлого Эллады и ее достижений, работало на повышение престижа самих греков, престижности всего греческого, в том числе в глазах римлян, и, следовательно, могло иметь определенный политический смысл [4]. В любом случае в свете описанных выше тенденций можно констатировать, что среди трудов Флавия Филострата, который нередко упоминается в одном ряду с Лукианом, Элием Аристидом, прочими авторами эпохи Антонинов и чье творчество рассматривается через призму базовых, канонических парадигм второй софистики [4, р. 380–400; 6, р. 1–17; 7, р. 7], «Жизнь Аполлония Тианского» занимает совершенно особое место. Автор не только помещает своего героя в самую гущу политических событий второй половины первого века, но и изображает его чуть ли не вершителем судеб империи, ключевым фактором династической истории Рима [1, р. 155].

Современные исследователи отмечают концептуальную сложность и многогранность «Жизни Аполлония Тианского». На протяжении нескольких последних десятилетий были предложены самые разные варианты толкования целей создания и идейной направленности данного труда. Ряд исследователей полагает, что главной целью была пропаганда культа, которому покровительствовала правящая династия [8; 9, р. 71–72]. Во многих работах, показываю-

щих аретологический или агиографический характер данного сочинения, Аполлоний предстает архетипическим θεῖος ἀνὴρ [10; 11; 12, р. 56–59; 13], а иной раз и сопоставляется с новозаветным Иисусом [14, р. 63–142; 15; 16, р. 150–184]. Согласно одной из версий, труд Филострата – апологетическая работа, предназначенная для того, чтобы представить наилучшим образом пифагореизм (и греческую культуру в целом) и тем самым дать адекватный ответ набирающему популярность христианству [17; 18; 19; 20]. Некоторые исследователи рассматривают труд Филострата как комплексную пифагорейскую философскую аллегорию [21], а иные – как сочетание эпидейктической риторики и новеллистического романа, предназначенное, главным образом, для развлечения [7, р. 105–113; 22, р. 62–64].

Сама пестрота версий и исследовательских трактовок показательна для понимания уровня сложности и неоднозначности содержания «Жизни Аполлония Тианского». Вряд ли автор преследовал какую-то одну-единственную идеологическую цель. Вместе с тем, проблема толкования общего замысла труда Филострата тесно связана с вопросом о наличии «заказа» со стороны правящей династии. В вводной части труда мы находим упоминание о том, что Юлия Домна, узнав о дневниках Дамида, ученика Аполлония, поручила Флавию Филострату, принадлежащему к «приближенному кругу императрицы», написать новый труд, основанный на вновь открытых и ранее неизвестных материалах (VA. I.3). Вот почему долгое время считалось, что «Жизнь Аполлония Тианского» действительно была написана по поручению Юлии Домны и предназначалась для «литературного салона»/«кружка», объединившего близких к императрице софистов [3, р. 101–109; 23, р. 122–126]. Если «заказ» действительно был, то, как полагают некоторые исследователи, он мог иметь определенные политические цели. Например, по мнению Е.Г. Рабинович, цель Юлии Домны состояла в том, чтобы предложить ученой части общества своего рода «культурную инновацию» – концепцию божественного мудреца, стоящего на страже интересов как сенатской стоической оппозиции, так и греческих философов и муниципальной элиты. Такая концепция могла послужить инструментом «социальной гармонизации», столь необходимой в эпоху политических кризисов и нарастания центробежных тенденций [24, с. 270]. Тем не менее в последнее время исследователи весьма осторожно подходят к выводам о взаимосвязи между идейным содержанием труда и интересами правящей династии. Например,

Т. Уитмарш полагает, что даже если Филострат действительно принадлежал к «окружению» Юлии Домны, жизнеописание Аполлония вряд ли было написано для элиты, ибо «Аполлоний» весьма далек от северовской проблематики и обнаруживает главным образом увлеченность автора греческой этикой, риторикой, литературой и прочими аспектами греческого культурного наследия. В центре внимания Филострата – взаимосвязь между греческим прошлым и греческим настоящим [25, р. 33]. Есть и другие исследования, показывающие, что «Жизнь Аполлония Тианского» не стоит воспринимать как некий «политический заказ». Например, Т. Ширрен усматривает в этом сочинении изрядную долю иронии. По его мнению, целью автора было прославление Аполлония как сверхчеловека, но вместе с тем в образе главного героя наблюдаются неоднозначность и двойственность. Возможно, труд Филострата был рассчитан не только на Юлию Домну и ее приближенных, но и на более широкую читательскую аудиторию, вероятнее всего на греческих интеллектуалов, способных увидеть и понять подтекст [26, р. 161–167].

Вопрос об обстоятельствах создания труда и мотивации автора подробно рассматривается в двух недавно вышедших работах А. Кемезиса [1, р. 164; 27]. Исследователь ставит под сомнение историчность сообщения Филострата о поручении Юлии Домны. Такой подход восходит к статье И. Миллера, полагавшего, что Дамид и его дневники были придуманы Филостратом [28]. Позднее эта версия была отвергнута оппонентами, посчитавшими маловероятным, чтобы автор «Жизни Аполлония» пошел на сознательную литературную мистификацию и стал бы придумывать факты, связанные с женой основателя династии Северов; кроме того, записки Дамида упоминаются в одном ряду с сочинением Мойрагена о Филострате, которое засвидетельствовано у Оригена (*Contra Celsum* 6.41 = Jones T9) [24, с. 221]. Тем не менее А. Кемезис обращает внимание на сомнительность репутации Аполлония. Согласно свидетельству самого Филострата, современники считали Аполлония магом и даже хулили «как злого колдуна» (VA. I.2). Некоторые античные авторы называют чудотворца гоэтом («магом») и, следовательно, могли воспринимать либо как ловкого проходимца, шарлатана, либо как колдуна (*Luc. Alex.* 5; *Cass. Dio LXXVI [LXXVII].17–18*). Следовательно, полагает А. Кемезис, писать об Аполлонии было более чем смелым поступком, и поэтому Филострат мог использовать в качестве своего рода «прикрытия» авторитет Юлии Домны, снискавшей себе славу покровительни-

цы греческой учености. Опираясь на ряд дополнительных нарратологических аргументов, исследователь приходит к выводу, что «поручение» императрицы – художественный вымысел. Если так, то каков же тогда этиологический смысл «Жизни Аполлония»? Ключ к ответу на этот вопрос, по мнению А. Кемезиса, следует искать в сфере литературных тенденций эпохи. Малоизвестный широкой публике и вместе с тем связанный с флавианским периодом персонаж как нельзя лучше подходил для решения магистральной задачи труда – переписать в духе своего времени недавнюю политическую историю и пересмотреть ее статус в рамках греко-римского культурного дискурса. «Жизнь Аполлония», таким образом, трактуется как уникальная софистическая рефлексия над вопросом о соотношении «политической власти» и тем, что греки называли «пайдейя»; собственно, задача произведения как раз и состояла в устранении дихотомии «римская власть» – «греческая ученость».

Выводы А. Кемезиса весьма обоснованны. Тем более странным представляется тот факт, что исследователь оставляет без внимания одно из посвященных Аполлонию сообщений Диона Кассия. В час убийства Домициана находившийся в окрестностях Эфеса Аполлоний Тианский каким-то сверхъестественным образом узнал о гибели императора и прокричал похвалу убийце (Cass. Dio LVII.2.1). В данном пассаже так же, как и в труде Филострата, Аполлоний предстает одним из действующих лиц истории о крушении режима Домициана. Ф. Миллар даже пришел в свое время к выводу о том, что пока Юлия Домна была жива, Дион проявлял лояльность к идеям ее окружения, но затем смог более свободно выражать свое отношение к гоэту из Тианы [29, p. 20]. Кроме того, из сообщений Диона Кассия мы узнаем, что Северы патронировали культ Аполлония и императорская семья провела некоторое время в Тиане (Dio LXXV[LXXVI].15.4). Следовательно, упоминание об интересе Юлии Домны к Аполлонию выглядит вполне правдоподобным, так же как и ее возможная заинтересованность в улучшении имиджа странствующего философа-пифагорейца; не исключено, что сообщение Филострата об обстоятельствах начала его работы над биографией Аполлония имеет определенное историческое зерно. Вместе с тем следует признать, что данное сочинение является образцом «псевдодокументальной литературы», популярной во II–III вв. [1, p. 159; 29]². Вероятнее всего, описания путешествий Аполлония по греческим городам, равно как и его общение с римскими императорами, – это вымысел Флавия Филострата.

Подобный подход позволил авторам новейших исследований сделать ряд любопытных наблюдений относительно концептуального содержания труда. В связи с нарастанием общего интереса к теме странствий и путешествий в античной литературе, в частности под влиянием работ, посвященных репрезентации пространства Страбоном, исследователи обратились к изучению пространственных категорий «Жизни Аполлония Тианского». Был сделан вывод, что Филострат, описывая странствия чудотворца, создает особого рода культурную и политическую географию, которая отличалась от реалий I–III вв. и являлась, по сути, авторским конструктом, игравшим значимую роль в концептуальном оформлении данного сочинения [1; 7, 102–104; 30; 31]. В частности, А. Кемезис констатирует наличие в труде Филострата особых модусов повествования о центре, дальней периферии и греческом мире, которые становятся средством актуализации роли Аполлония в династической истории Рима. К наиболее далеко идущим выводам приходит Р. Абрахам. Повествование Филострата об Индии, Греции и Риме имеет заметную специфику, ибо созданная автором модель ойкумены противоположна традиционному греческому представлению о центре и периферии: самый край земель, Парака, показана как центр цивилизации и высокой культуры, в то время как Рим изображается опасной периферией, подобной некоей варварской территории. Данная концепция сопряжена, по мнению исследователя, с общей идеей литературного творчества Филострата – содействовать росту греческого национального самосознания [32].

Признавая новизну и убедительность ряда полученных исследователями результатов, полагаю целесообразным в рамках данной работы обратить внимание не только на нарративную специфику описания странствий философа-пифагорейца по линии центр – периферия, но и на корреляцию выявленных особенностей как с историографическими традициями и тенденциями, так и с социальными аспектами изложенных в сочинении политических идей. Думается, что такой подход позволил бы в известной степени уточнить наши представления о пространственных категориях римской политики в «Жизни Аполлония Тианского».

Итак, странствия чудотворца из Тианы охватывают значительное количество территорий в восточной, южной, западной частях известной римлянам и грекам ойкумены. Путешествуя по всем этим мирам, Аполлоний повсюду оказывает преобразующее, трансформирующее воздействие, повсеместно актуализируя достижения

греческой культуры. Путь Аполлония, начатый в Малой Азии и Сирии, лежит через парфянские земли в Индию. В рассказе о дальней периферии (Парфия, Индия, Эфиопия) меньше всего исторической конкретики, больше всего вымышленных или стереотипных деталей. Иными словами, в описании странствий Аполлония по восточным землям превалирует реальность условно-историческая. Есть и хронологические неувязки, как, например, в истории о знакомстве Аполлония с царем Варданом [24, с. 234]. В качестве стольного града, где правит Вардан, почему-то упоминается Вавилон, что, скорее всего, также является авторским вымыслом. Впрочем, даже несмотря на упомянутое в тексте мидийское происхождение, Вардан изображен неким условным восточным правителем, напоминающим скорее персидского царя, нежели представителя династии Аршакидов [24, с. 236]. Кроме того, автор подчеркивает связь дальней периферии с классической Грецией, событиями эпохи эллинизма. Периодически встречаются упоминания о персидских правителях – Дарии, Ксерксе, Артаксерксе (I.24); событиях греко-персидских войн (I.24, 25, 28, 29), походах Александра Великого (II.20–21) и странствиях Геракла (II.33, 42–43) и Диониса (II. 9) [31, р. 464–465; 32, р. 469–470]. Аполлоний стремится попасть в Индию, дабы приобщиться к местной учености и получить исчерпывающие знания о мире. Здесь правит вымышленный автором философ на троне Фраот, который называет себя учеником старейшины философов Иарха (II.41), совещающийся «с мудрецами обо всем, что надлежит говорить или делать» (III.10). Вместе с тем царство мудрости и учености показано заметно эллинизированным. Например, достигнув Параки, Аполлоний обнаруживает, что даже местный деревенский люд говорит по-гречески (III.12), отправленный к Аполлонию гонец обращается к нему на пифагорейский манер (III. 13), а старейшина мудрецов Иарх, философия которого в известной степени близка к пифагорейству (III. 19), обсуждает с Аполлонием греческую литературу и историю (III.19–20). Речь, таким образом, идет не столько о репрезентации отдаленной восточной периферии в качестве нового или даже альтернативного самобытного центра образования и учености, сколько о глорификации греческого культурного наследия, постулировании его вселенской значимости. Вместе с тем, воображаемый и во многом утопичный образ идеального царства становится средством актуализации ряда вопросов греческой общественной жизни, обсуждаемых Аполлонием с Фраотом и Иархом. В одной из бесед Иарх упоминает о при-

бывающих из Рима начальниках, которые заранее держат над головами провинциалов воздетые топоры, «хотя еще не знают, злодеи ли их будущие подданные» (III.25). Так, очевидно, воспринималось шествие наместников, сопровождаемых ликторами. Воздетые фасции и секиры подчеркивали подвластность провинций Риму. Иарх добавляет при этом, что эллины готовы восхвалять римских должностных лиц уже в том случае, если они «не торгуют правосудием», т. е. не коррумпированы. Весьма символично, что «начальники из Рима» сравниваются в данном пассаже с карийскими невольниками, которых работорговцы расхваливают за то, что те не воруют³. Примечательно, что это специфическое представление о справедливости, отражающее сравнительно низкий уровень ожиданий в отношении высшей и вместе с тем привнесенной извне власти, констатируется главой общины философов, представителем идеального государства, расположенного на территории, для Рима недосягаемой.

Из Индии Филострат возвращается в известный ему мир и посещает известные центры греческой культуры, такие как Афины, Спарта, Ионийские острова. Здесь он стремится преодолеть отклонения от того, что считалось нормой в классическую эпоху, дабы сохранить культурную самобытность и идентичность [1, р. 180; 32, р. 473]. Яркий пример преодоления таких девиаций – это эпизод с лаконскими посланцами. Возмущившись их страстью к роскоши и изнеженностью, Аполлоний побуждает эфоров вернуть древний устав и возродить традиционный образ жизни спартанцев (IV.27). Вместе с тем, выясняется, что одним из факторов размывания греческой культурной идентичности оказывается Рим. Так, Аполлоний резко критикует афинян за то, что те приобщились к римской традиции проведения гладиаторских боев, и, когда афиняне приглашают его в городское собрание, даже отказывается ступить на землю, оскверненную кровопролитием (IV.22). Римский император репрезентируется как внешняя сила, посягающая на свободу эллинов. Яркий пример – послание спартанцам от Нерона, попрекающего их тем, что они «нагло возмечтали о свободе» (V. 33). Греческие «гастроли» Нерона характеризуются как вторжение: «Ксеркс нас жег – Нерон нам поет»; событие воспринимается как стихийное бедствие из-за расходов, связанных с прибытием императора, а также в связи с тем, что всех от мала до велика сгоняют посмотреть его представления (V.7). Тема культурной греческой автономии обретает форму практической рекомендации в обращении Аполлония к Веспасиану, когда мудрец призывает будущего

императора направлять в греческие провинции наместников, говорящих по-гречески (V.36). Еще раз о «греческих вольностях», ставших лейтмотивом всего сочинения, упоминается в конце IV книги, где автор осуждает Веспасиана за упразднение дарованных Нероном свобод и привилегий (V.41). Аполлоний называет это действие порабощением Эллады, при этом римский император вновь сравнивается с Ксерксом.

«Римская» часть нарратива обладает яркими отличительными особенностями. Повествуя именно о римских реалиях, Филострат наиболее бережно относится к исторической событийной канве. Здесь прослеживается целый ряд примет времен Нерона и Домициана [1, р. 173; 23, р. 130–161; 33]. Автор обнаруживает знакомство с деталями их правления, чертами характера, индивидуальными особенностями, упоминая, например, о том, что Домициан почитал Минерву. Представлены известные политические деятели, будь то консул Телесин или префект Касперий. Упоминается гробница Дианы в Ариции, вилла Цицерона в Кумах. Вместе с тем, и в данной части труда имеются неточности и искажения: наряду с Нервой и Руфом Аполлоний спасает от смерти Орфита, который в действительности стал жертвой правления Домициана; главным врагом Аполлония представлен софист Евфрат, который в действительности, будучи известен своей ученостью, примыкал к сенатской стоической оппозиции, т. е. тем самым людям, которым симпатизировал и помогал Аполлоний [24, с. 235].

Рим в «Жизни Аполлония», с одной стороны, представлен как держава, охватывающая большую часть ойкумены (IV.35), а с другой стороны – это город, где установлено жесткое тиранство [33]. Нерон здесь притесняет достойных людей, особенно философов (IV.35, 38). Царит атмосфера страха и оцепенения, в силу чего Нерону гораздо легче найти и удержать аудиторию для своих песнопений (V.42), чем, например, в бетийской Иполе, жители которой пугаются одного только внешнего вида Нерона и бегут от него, едва он начинает петь (V.9). Домициан также преследует выдающихся сенаторов и философов, которые вынуждены бежать из Рима (VII.4.2, VIII.7.4).

Вместе с тем, участие Филострата в римской политике не привязано исключительно к Риму. Более того, именно в провинциях происходят судьбоносные для Рима события, участником которых становится Аполлоний. Наместник Бетики ведет с пифагорейцем переговоры, которые, по словам автора, выглядят как сговор против Нерона, и на прощание призывает чудотворца помнить о Виндексе (V.10). Именно эта

беседа показана как первое из череды событий, которые приведут к падению Нерона. Примечательно, что борьба Аполлония против Домициана начинается с его обращения к наместникам провинций (VII.4.3). Еще одно ключевое для империи событие происходит в Александрии, известном центре эллинской учености, где Аполлоний убеждает Веспасиана взять власть в свои руки (V.34–36). По словам Аполлония, Веспасиан становится императором тогда, когда ему приносят присягу египетские города (V.35), т. е. в данном случае именно поддержка со стороны провинциального населения становится своего рода источником легитимности власти императора.

Как показывает рассмотренный выше материал, пространственные категории действительно имели концептуальное значение для жизнеописания Аполлония Тианского, в том числе и для раскрытия представленных в нем политических идей. Описания различных областей ойкумены и Римской империи соответствуют в известной степени традициям античной историографии и общественно-политической мысли, но вместе с тем очевидна авторская специфика, проявляющаяся в особом структурировании политического пространства: идеальный общественно-политический строй (своего рода философская утопия) обнаружен в Индии, т. е. далеко за пределами Римской империи; Греция борется за восстановление былой самобытности и культурной автономии; тирания Нерона и Домициана локализована преимущественно в Риме; прибытие римского императора в Элладу сродни вторжению Ксеркса; истоки динамично развивающихся процессов, меняющих политический ландшафт всей империи, обнаруживаются скорее в провинциях, нежели в столице, что в известной степени выдает взгляд автора III в., рассматривающего реалии прошлого через призму политической фрагментации, региональных коллизий и центробежных тенденций. Вероятно, подход Филострата к очерчиванию политико-географической картины мира коррелирует как с социальным происхождением автора, выразившего, как принято считать, интересы провинциальной греческой элиты [33, с. 289–292], так и с новыми подходами к трактовке событий династической истории Рима, появившимися во времена Северов. Учитывая наличие в тексте явных аллюзий и параллелей, проводимых между временами Нерона и Флавиев и эпохой Коммода и Северов⁴, можно предположить, что актуализация тех или иных вопросов политической повестки, прежде всего темы «греческих вольностей», могла иметь парадигматический характер. Даже если на про-

сторях империи нет места для правителя-философа, покровительствующего, подобно Антонинам, греческой учености, и воплощение подобной идиллии возможно лишь где-то в вымышленном царстве, расположенном далеко за пределами Рима, открытым тем не менее остается вопрос, какой линии император (кем бы он ни был) будет придерживаться в отношении греческих городов, прислушается ли он к советам мудреца, сыгравшего ключевую роль в династической истории Рима.

Работа подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00486 «Пространства и ландшафты в мемориально-историческом, религиозном и политическом дискурсах античности и Средневековья».

Примечания

1. Данная концепция, появившаяся в пике представлениям о Второй софистике как политическом феномене [3], обосновывается прежде всего в работах С. Свэйна [4, р. 70–71] и Т. Уитмарша [5, р. 3–4].

2. В историографии есть и альтернативные жанровые характеристики, такие, например, как «исторический/биографический роман» или «историческая беллетристика» [24].

3. Тема злоупотреблений, связанных с римской властью должностных лиц, вновь звучит в речи Аполлония, обращенной к Веспасиану (V.36). Здесь упоминаются некие судебные помощники наместника, которые, пользуясь тем, что их начальник не понимает по-гречески, произвольно измышляли приговоры.

4. Гибель тирана приводит к гражданским войнам; победитель достигает стабильности и передает власть двум своим сыновьям, один из которых убивает другого и начинает править тиранически [11, р. 40–44].

Список литературы

1. Kemezis A.M. Greek Narratives of the Roman Empire under the Severans: Cassius Dio, Philostratus and Herodian. Greek culture in the Roman world. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2014.
2. Bowie E.L. Greeks and Their Past in the Second Sophistic // Past and Present. 1970. Vol. 46. P. 3–41.
3. Bowersock G.W. Greek Sophists in the Roman Empire. Oxford: Oxford University Press, 1969.
4. Swain S. Hellenism and Empire: Language, Classicism, and Power in the Greek World, ad 50–250. Oxford: Oxford University Press, 1996.
5. Whitmarsh T. Greek Literature and the Roman Empire: The Politics of Imitation. Oxford: Oxford University Press, 2001.
6. Anderson G. Philostratus: Biography and Belles Lettres in the Third Century AD. London: Croom Helm, 1986.
7. Billaut A. L'univers de Philostrate. Paris: Boccard, 2000.
8. Morgan J.R. The Emesan Connection: Philostratus and Heliodorus // Theios Sophistes: Essays on Flavius Philostratus' Life of Apollonius of Tyana / Eds. K. Demoen, D. Praet. Leiden: Brill, 2009. P. 263–282.
9. Cordovana O.D. Between History and Myth: Septimius Severus and Leptis Magna // Greece and Rome. 2012. Vol. 59. P. 56–75.
10. Van Uytfanghe M. La Vie d'Apollonius de Tyane et le discours hagiographique // Theios Sophistes: Essays on Flavius Philostratus' Life of Apollonius of Tyana / Ed. K. Demoen, D. Praet. Leiden: Brill, 2009. P. 335–374.
11. Koskeniemi E. Apollonius of Tyana: A Typical ΘΕΙΟΣ ΑΝΗΡ? // Journal of Biblical Literature. 1998. Vol. 117. P. 455–467.
12. Reimer A.M. Miracle and Magic: A Study in the Acts of the Apostles and the Life of Apollonius of Tyana. London: Bloomsbury Publishing, 2002.
13. Flinterman J.-J. 'The Ancestor of My Wisdom': Pythagoras and Pythagoreanism in Life of Apollonius // Philostratus / Ed. E.L. Bowie and J. Elsner. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 155–75.
14. Petzke G. Die Traditionen der Apollonius von Tyana und das Neue Testament. Leiden: Brill, 1970.
15. Bowersock G.W. Fiction as History: Nero to Julian. Berkeley: University of California Press, 1994.
16. Burridge R.A. What Are the Gospels? A Comparison with Greco-Roman Biography. Grand Rapids, Mich: Eerdmans, 2004.
17. Swain S. Defending Hellenism: Philostratus, In Honour of Apollonius // Apologetics in the Roman Empire: Pagans, Jews and Christians / Ed. M. Goodman, M.J. Edwards, S. Price and C. Rowland. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 157–96.
18. Sfameni Gasparro G. Il sofista e l' 'uomo divino': Filostrato e la costruzione della 'vera storia' di Apollonio di Tiana // Arte e memoria culturale nell'età della Seconda Sofistica / Eds. O.D. Cordovana, M. Galli. Catania, 2007. P. 271–288.
19. Boulogne J. Apollonios de Tyane: Le mythe avorté d'une sagesse totale // BAGB. 1999. Vol. 3. P. 300–310.
20. Hägg T. Apollonios of Tyana – Magician, Philosopher, Counter-Christ: The Metamorphoses of a Life // Parthenope: Selected Studies in Ancient Greek Fiction (1969–2004) by Tomas Hägg / Ed. L.B. Mortensen, T. Eide. Copenhagen, 2004. P. 379–404.
21. Praet D. Pythagoreanism and the Planetary Deities: The Philosophical and Literary Master-Structure of the Vita Apollonii // Theios Sophistes: Essays on Flavius Philostratus' Life of Apollonius of Tyana / Ed. K. Demoen, D. Praet. Leiden: Brill, 2009. P. 283–320.
22. Sidebottom H. Severan Historiography: Evidence, Patterns, and Arguments // Severan Culture / Ed. S. Swain, S.J. Harrison, J. Elsner. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 52–82.
23. Flinterman J.-J. Power, Paideia and Pythagoreanism: Greek Identity, Conceptions of the Relationship between Philosophers and Monarchs and Political Ideas in Philostratus' Life of Apollonius. Amsterdam: J. C. Gieben, 1995.
24. Рабинович Е.Г. «Жизнь Аполлония Тианского» Флавия Филострата // Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. М., 1985. С. 217–276.
25. Whitmarsh T. Prose Literature and the Severan Dynasty // Severan Culture / Ed. S. Swain, S.J. Harrison,

- J. Elsner. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 29–51.
26. Schirren Th. Irony versus Eulogy: The Vita Apollonii as Metabiographical Fiction // *Theios Sophistes: Essays on Flavius Philostratus' Life of Apollonius of Tyana* / Ed. K. Demoen, D. Praet. Leiden: Brill, 2009. P. 161–186.
27. Kemezis A.M. Roman Politics and the Fictional Narrator in Philostratus' Apollonius // *Classical Antiquity*. 2014. Vol. 34. P. 61–101.
28. Miller J. Apollonius von Tyana // *RE*. 1896. Vol. II. P. 1. S. 146–148.
29. Millar F. A. Study of Cassius Dio. Oxford: Oxford University Press, 1964.
30. Hanus Ph. La vie d'Apollonios de Tyane: D'une géographie réelle à une géographie mythique // *Inde, Grèce ancienne: Regards croisés en anthropologie de l'espace* / Ed. J.-C. Carrière, É. Geny, M.-M. Mactoux et F. Paul-Lévy. Paris, P. 81–97.
31. Whitmarsh T. Philostratus // *Space in Ancient Greek Literature* / Ed. I.J.F. De Jong. Leiden: Brill, 2012. P. 463–479.
32. Abraham R.J. The Geography of Culture in Philostratus Life of Apollonius of Tyana // *CJ*. 2014. Vol.109.4. P. 465–480.
33. Штаерман Е.М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М.: Наука, 1957
34. André J.-M. Apollonios et la Rome de Néron // *Le monde du roman grec* / Ed. M.-F. Baslez, P. Hoffmann, M. Trédé. Paris: Presses de l'École Normale Supérieure, 1992. P. 113–124.

SPATIAL CATEGORIES OF ROMAN POLITICS IN LIFE OF APOLLONIUS BY FLAVIUS PHILOSTRATUS

K.V. Markov

The aim of the paper is to study the role of spatial aspects of representation of political processes of the Roman Empire in Flavius Philostratus' Life of Apollonius. The material shows that the author uses different narrative modes in describing the travels of Apollonius in different parts of the *oikumena* – lands of Parthia and India, Rome, provinces, in particular Egypt and Greece. The study complements the conclusions of modern scholars regarding the conceptual role of the specific features of the discourse and narrative techniques used by Flavius Philostratus in describing political events that took place in various parts of the Roman Empire and the far periphery of the Greek and Roman world.

Keywords: Ancient Rome, Roman Empire, Flavius Philostratus, Apollonius of Tyana, Second Sophistic.

References

1. Kemezis A.M. Greek Narratives of the Roman Empire under the Severans: Cassius Dio, Philostratus and Herodian. Greek culture in the Roman world. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2014.
2. Bowie E.L. Greeks and Their Past in the Second Sophistic // *Past and Present*. 1970. Vol. 46. P. 3–41.
3. Bowersock G.W. Greek Sophists in the Roman Empire. Oxford: Oxford University Press, 1969.
4. Swain S. Hellenism and Empire: Language, Classicism, and Power in the Greek World, ad 50–250. Oxford: Oxford University Press, 1996.
5. Whitmarsh T. Greek Literature and the Roman Empire: The Politics of Imitation. Oxford: Oxford University Press, 2001.
6. Anderson G. Philostratus: Biography and Belles Lettres in the Third Century AD. London: Croom Helm, 1986.
7. Billaut A. L'univers de Philostrate. Paris: Boccard, 2000.
8. Morgan J.R. The Emesan Connection: Philostratus and Heliodorus // *Theios Sophistes: Essays on Flavius Philostratus' Life of Apollonius of Tyana* / Eds. K. Demoen, D. Praet. Leiden: Brill, 2009. P. 263–282.
9. Cordovana O.D. Between History and Myth: Septimius Severus and Leptis Magna // *Greece and Rome*. 2012. Vol. 59. P. 56–75.
10. Van Uytenghe M. La Vie d'Apollonius de Tyane et le discours hagiographique // *Theios Sophistes: Essays on Flavius Philostratus' Life of Apollonius of Tyana* / Ed. K. Demoen, D. Praet. Leiden: Brill, 2009. P. 335–374.
11. Koskeniemi E. Apollonius of Tyana: A Typical ΘΕΙΟΣ ANHP? // *Journal of Biblical Literature*. 1998. Vol. 117. P. 455–467.
12. Reimer A.M. Miracle and Magic: A Study in the Acts of the Apostles and the Life of Apollonius of Tyana. London: Bloomsbury Publishing, 2002.
13. Flinterman J.-J. 'The Ancestor of My Wisdom': Pythagoras and Pythagoreanism in Life of Apollonius // *Philostratus* / Ed. E.L. Bowie and J. Elsner. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 155–75.
14. Petzke G. Die Traditionen der Apollonius von Tyana und das Neue Testament. Leiden: Brill, 1970.
15. Bowersock G.W. Fiction as History: Nero to Julian. Berkeley: University of California Press, 1994.
16. Burrige R.A. What Are the Gospels? A Comparison with Greco-Roman Biography. Grand Rapids, Mich: Eerdmans, 2004.
17. Swain S. Defending Hellenism: Philostratus, In Honour of Apollonius // *Apologetics in the Roman Empire: Pagans, Jews and Christians* / Ed. M. Goodman, M.J. Edwards, S. Price and C. Rowland. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 157–96.
18. Sfameni Gasparro G. Il sofista e l' 'uomo divino': Filostrato e la costruzione della 'vera storia' di Apollonio di Tiana // *Arte e memoria culturale nell'età della Seconda Sofistica* / Eds. O.D. Cordovana, M. Galli. Catania, 2007. P. 271–288.
19. Boulogne J. Apollonios de Tyane: Le mythe avorté d'une sagesse totale // *BAGB*. 1999. Vol. 3. P. 300–310.

20. Hägg T. Apollonios of Tyana – Magician, Philosopher, Counter-Christ: The Metamorphoses of a Life // *Parthenope: Selected Studies in Ancient Greek Fiction (1969–2004)* by Tomas Hägg / Ed. L.B. Mortensen, T. Eide. Copenhagen, 2004. P. 379–404.
21. Praet D. Pythagoreanism and the Planetary Deities: The Philosophical and Literary Master-Structure of the Vita Apollonii // *Theios Sophistes: Essays on Flavius Philostratus' Life of Apollonius of Tyana* / Ed. K. Demoen, D. Praet. Leiden: Brill, 2009. P. 283–320.
22. Sidebottom H. Severan Historiography: Evidence, Patterns, and Arguments // *Severan Culture* / Ed. S. Swain, S.J. Harrison, J. Elsner. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 52–82.
23. Flinterman J.-J. Power, Paideia and Pythagoreanism: Greek Identity, Conceptions of the Relationship between Philosophers and Monarchs and Political Ideas in Philostratus' Life of Apollonius. Amsterdam: J. C. Gieben, 1995.
24. Rabinovich E.G. «Zhizn' Apolloniya Tianskogo» Flaviya Filostrata // *Flavij Filostrat. Zhizn' Apolloniya Tianskogo*. M., 1985. S. 217–276.
25. Whitmarsh T. Prose Literature and the Severan Dynasty // *Severan Culture* / Ed. S. Swain, S.J. Harrison, J. Elsner. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 29–51.
26. Schirren Th. Irony versus Eulogy: The Vita Apollonii as Metabiographical Fiction // *Theios Sophistes: Essays on Flavius Philostratus' Life of Apollonius of Tyana* / Ed. K. Demoen, D. Praet. Leiden: Brill, 2009. P. 161–186.
27. Kemezis A.M. Roman Politics and the Fictional Narrator in Philostratus' Apollonius // *Classical Antiquity*. 2014. Vol. 34. P. 61–101.
28. Miller J. Apollonius von Tyana // *RE*. 1896. Vol. II. P. 1. S. 146–148.
29. Millar F. A. Study of Cassius Dio. Oxford: Oxford University Press, 1964.
30. Hanus Ph. La vie d'Apollonios de Tyane: D'une géographie réelle à une géographie mythique // *Inde, Grèce ancienne: Regards croisés en anthropologie de l'espace* / Ed. J.-C. Carrière, É. Geny, M.-M. Mactoux et F. Paul-Lévy. Paris, P. 81–97.
31. Whitmarsh T. Philostratus // *Space in Ancient Greek Literature* / Ed. I.J.F. De Jong. Leiden: Brill, 2012. P. 463–479.
32. Abraham R.J. The Geography of Culture in Philostratus Life of Apollonius of Tyana // *CJ*. 2014. Vol.109.4. P. 465–480.
33. Shtaerman E.M. Krizis rabovladel'cheskogo stroya v zapadnyh provinciyah Rimskoj imperii. M.: Nauka, 1957.
34. André J.-M. Apollonios et la Rome de Néron // *Le monde du roman grec* / Ed. M.-F. Baslez, P. Hoffmann, M. Trédé. Paris: Presses de l'Ecole Normale Supérieure, 1992. P. 113–124.